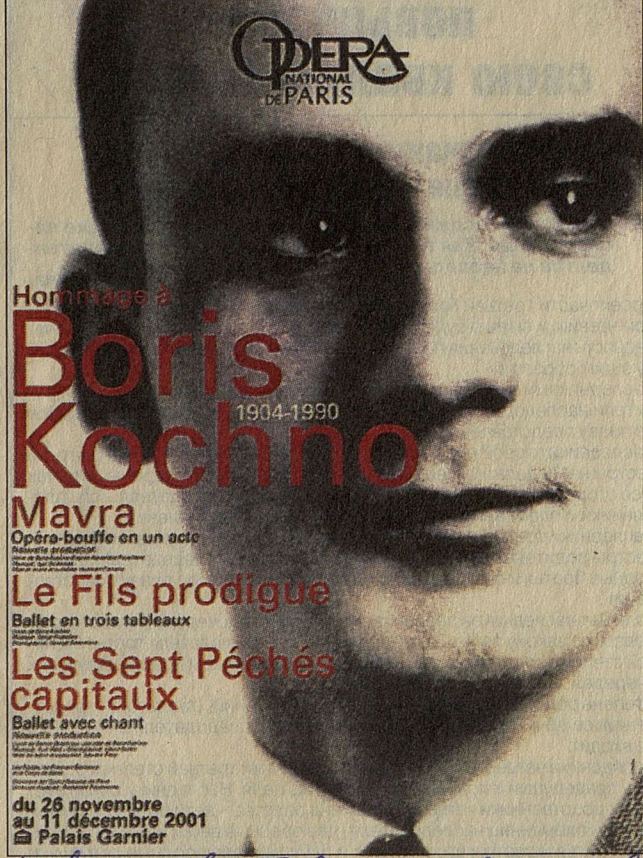

Возвращение Русских сезонов

Фавориты Дягилева «напоминали двух обезумевших псов, которые бились за тело своего хозяина»

OPERA NATIONAL DE PARIS

Hommage à
Boris Kochno
1904-1990

Mavra
Opéra-bouffe en un acte
Mise en scène de Boris Kochno
Musique de Igor Stravinsky

Le Fils prodigue
Ballet en trois tableaux
Mise en scène de Boris Kochno
Musique de Maurice Strakosky

Les Sept Péchés capitaux
Ballet avec chant
Mise en scène de Boris Kochno
Musique de Maurice Strakosky

du 26 novembre
au 11 décembre 2001
Palais Garnier

Новости и Звезда 8 — 2001 — 19 дек — с. 6.

Юрий КОВАЛЕНКО,
«Новые Известия»,
Париж

Парижская опера в эти преджестивенские дни вернулась к незабвенной дягилевской эпохе. На сей раз спектакли посвящены памяти Бориса Евгеньевича Кохно (1904—1990), который почти десять лет был литературным секретарем и спутником великого творца Русских сезонов. К тому же был он и плодовитым сочинителем, написавшим несколько десятков либретто. Из всего творческого наследия Кохно парижской публике предложили оперу-буфф «Мавра», сочиненную Игорем Стравинским, балет «Блудный сын» на музыку Прокофьева и балет с пением «Семь смертных грехов», написанный Куртом Вейлем. На «декабрьские вечера» пригласили русских артистов. Парижским национальным оркестром дирижирует Александр Поляничко, а в «Мавре» заняты наши певцы во главе с Ольгой Гуляковой, которая в прошлом году блистательно исполнила на парижской сцене партию Наташи Ростовской в прокофьевской «Войне и мире». Ну а после цикла Кохно Парижская опера покажет самые знаменитые балеты Русских сезонов — «Петрушку» Стравинского и «Послеполуденный отдых фавна» Дебюсси, поставленный Нижинским.

Кто же такой Борис Кохно, о котором на его исторической родине не известно практически ничего? Сын гусарского полковника, начинающий поэт, влюбленный в балет, он был представлен в Париже мэтру русского балета художником Сергеем Судейкиным. Ему было всего 17 лет. «Моя первая встреча с Сергеем Павловичем состоялась 27 февраля 1921 года, — рассказывал Борис Евгеньевич, у которого мне довелось побывать в гостях незадолго до его смерти. — Я явился к нему в парижский отель «Континенталь», и Дягилев предложил мне стать его секретарем. Я стал приходить по утрам в «Континенталь», садился в кресло и ждал его распоряжений. В это время он отвечал на телефонные звонки, звонил сам, писал письма. Несколько дней спустя я его спросил: «А что же делать мне?». Сергей Павлович ответил: «Сделайте себя незаменимым!». По совету Игоря Стравинского я стал сочинять либретто. Первое — для оперы «Мавра» на музыку Стравинского, в основе которого лежал пушкинский «Домик в Коломне», я написал в 17 лет».

Дягилев остался доволен дебютом и поручил юному другу помогать ему в постановках, работать с художниками — с Пабло Пикассо, который оставил его карандашный портрет, Жоржем Браком, Максом Эрнстом, Леоном Бакстом, Хуаном Гри, Натальей Гончаровой и Михаилом Ларионовым, с хореографами Леонидом Мясиным, Брониславой Нижинской и Джорджем Баланчиным... Дягилеву непременно хотелось, чтобы Прокофьев написал балет на вневременной сюжет, который был бы всем понятен. И тогда Кохно предложил балетную версию притчи о блудном сыне, которая и была показана в Париже в 1929 году с декорациями и костюмами Жоржа Руо.

Именно с приобретения «Домика в Коломне» началось коллекционирование Дягилевым редких русских книг, главным образом первых изданий. «В поисках раритетов мы ездили в Италию, в Польшу, — рассказывал мне Борис Евгеньевич. — Он писал Константину Сомову с просьбой поискать в русских книжных магазинах разрозненные тома «Войны и мира»... Мы собирали первые полные издания русских классиков и специально для библиотеки сняли квартиру на па-

рижском бульваре Гарибальди. У графини Торби, внучки Пушкина, которая была замужем за великим князем Михаилом, хранилось несколько писем поэта Наталье Гончаровой. Она пообещала Дягилеву оставить ему эти письма после своей смерти. И когда она скончалась в сентябре 1927 года, Сергей Павлович получил одно из этих писем, а остальные затем приобрел у великого князя Михаила».

С появлением Сержа Лифаря Кохно пришлось вести перманентную борьбу за место дягилевского фаворита... Оба они находились у его смертного одра и провожали на гондоле в последний путь Сергея Павловича, похороненного на венецианском острове Сен-Микеле. Близкая дягилевская приятельница Мися Серт (Голубская) вспоминает, как ослепленный ненавистью к сопернику Кохно сразу после кончины Дягилева прямо в комнате набросился на Лифаря, склонившегося у праха Сергея Павловича. Борис и Серж сцепились в страшной схватке, готовые растерзать друг друга: «Они напоминали двух обезумевших псов, которые бились за тело своего хозяина»...

Свою коллекцию Дягилев завещал своим верным паладинам — Кохно и Лифарю. Часть своих архивов Борис Евгеньевич вместе с собственными документами передал в библиотеку Парижской оперы: альбомы фотографий, дягилевские записные книжки, сотни адресованных ему писем Пикассо, Стравинского, Прокофьева, Ларионова, Гончаровой, Коровина, Бенуа, Шагала, Бакста, Маяковского.

«С Маяковским я познакомился в Берлине в 1922 году, — рассказывал Кохно, — а подружился и сблизился с ним, когда он приехал в Париж. Ему долгое время не давали визу, за него принялся хлопотать Дягилев, и, наконец, виза была дана с одним условием: поэт, находясь во Франции, не должен был заниматься политикой. Я стал гидом Маяковского по Парижу, и на одной из книг, которые он мне подарил, поэт написал: «Моему водителю по парижским лонам и начальнику всех метро. Дружески. Маяковский». Сам Дягилев расспрашивал Маяковского о театре. Спектакли московского Камерного театра, который выступал во Франции в 1923 году, очень понравились Сергею Павловичу. Именно после этих гастролей он решил поставить балет на советскую тему и заказал музыку Прокофьеву, который сочинил «Стальной скок».

После смерти Дягилева его балетная труппа распалась. Кохно возглавил «Русский балет Монте-Карло», а также вместе с Джорджем Баланчиным создал собственную труппу «Балет 1933», которая выступала всего один год. Едва закончилась Вторая мировая война, Кохно и Ролан Пети организовали «Балет Елисейских полей», существовавший до 1951 года. Фиаско собственной антрепризы повергло Кохно в глубокую хандру, которую он подобно многим своим соотечественникам безуспешно топил в вине. И только годы спустя он нашел для себя новую роль — свидетеля эпохи и мемуариста. В 70-е годы Борис Кохно написал книгу «Дягилев и русский балет». Прожив почти всю жизнь во Франции, он не захотел взять себе ее гражданство и умер апатридом.

...Уникальная коллекция Кохно, связанная с Русскими сезонами, — более 500 картин, рисунков, книг, писем, была продана на аукционе «Сотбис» в Монако в 1991 году. Ее частично приобрели само Княжество Монако, несколько французских библиотек и частных коллекционеры. Из Советского Союза на торги никто не приехал.